

Судьба всегда дает шанс!
Не верите? Читайте романы Олега Роя:

Мир над пропастью
Муж, жена, любовница
Улыбка черного кота
Дом без выхода
Капкан супружеской свободы
Обещание нежности
Нелепая привычка жить
Амальгама счастья
Обняться, чтобы уцелеть
Украденное счастье
Барселонская галерея
Эдельвейсы для Евы
Банкротство мнимых ценностей
Мужчина в окне напротив
Сценарий собственных ошибок
В сетях интриг
Галерея «Максим»
Пасынки судьбы
Он & Она
Вдали от рая
Паутина лжи
Игра без правил
Шаль
Тайна
Искупление
Тот, кто стоит за плечом
Письма из прошлого
Три краски

Одно чудесное пари
Человек за шкафом
Повторный брак
Дочки-матери, или Каникулы в Атяшево
Фантомная боль
Я тебя никому не отдам
Привет, моя радость!
Двойная жизнь
Фамильные ценности, или Возврату не подлежит
Писатель и балерина
Семь признаков счастья
Маскарад на семь персон
Галерея «Максим»
Через тернии в звезды
Не оставляй меня, любимый!

Диалогия «Белый квадрат»

Цветок сакуры
Захват судьбы

Диалогия «Страх»

И небеса пронзит комета
Числа зверя и человека

Диалогия «Ловушка»

Ловушка для вершителя судьбы
Ловушка для влюбленных

Секреты семейного счастья от Олега Роя

МУЖЧИНА и женщина
ЖЕНЩИНА и мужчина

Скользящий странник

ОЛЕГ
РОЙ

Тайный шифр художника

Москва
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р65

Оформление серии *С. Груздева*

Рой, Олег.

Р65 Тайный шифр художника / Олег Рой. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 352 с.

ISBN 978-5-04-092459-2

Соглашаясь разыскать сведения о нескольких людях, молодой сотрудник архива Феофан оказывается втянут в смертельную игру. Кто-то разыскивает и убивает бывших заключенных, которые сидели в одной камере с завоевавшим посмертную популярность художником Зеленцовым. Погружаясь в исследование, Феофан ходит по самому краю бездны, но не может остановиться — ведь его завораживает загадка татуировок-картин и очаровывает смотрящая с них женщина.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092459-2

© Резепкин О., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

■ Часть I

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Весна 1993, Москва

Глава 1

Архивный юноша

Массивная дверь открывалась с таким трудом, словно принципиально не хотела ни впускать кого-либо в здание архива, ни выпускать из него. Какой-то умник установил столь мощную и тугую пружину, что для прекрасного, но слабого пола, составлявшего в нашей конторе большинство, каждое открывание входной двери равнялось маленькому подвигу. И почти каждый раз, приходя или уходя со службы, я как один из немногочисленных представителей мужской части коллектива вынужден был брать удар на себя, с усилием тянуть за мощную ручку или наваливаться всем телом на дверь, а потом галантно придерживать ее для оказавшихся рядом сотрудниц. Но сегодня я выходил из конторы один — охотников работать в воскресенье было немного. Разве что по личным соображениям, как у меня.

Улица — вот сюрприз! — встретила совсем уже весенним теплом. Или это только казалось? После бесконечного однообразия зимы мартовский подъем температуры даже на пару-тройку градусов уже наполняет сердце наивной радостью. Но еще сильнее греет душу даже не долгожданное тепло, а явственно и бесспорно прибавившийся день. Одно дело выходить с работы в разбеленную снегом стылую темень, и совсем другое — когда тебе улыбается пусть низкое, но солнышко.

Увенчав голову наушниками, я привычным движением сунул штекер в гнездо прицепленного к брючному ремню польского плеера. Плеер я всегда носил справа, а слева, симметрично, — модную поясную сумку с кассетами. Выудив одну наугад, прищелкнул ее расшатанной крышкой, ткнул в красный треугольничек и поспешил к метро. Несмотря на выходной, дел сегодня еще оставалось достаточно. Да и как иначе? Нужно же как-то зарабатывать на жизнь. Моей зарплаты с трудом хватало на неделю более чем скромной жизни — а меж тем цены с угрожающей скоростью росли, а инфляция только усиливалась. Настало такое время, когда все крутились как могли и зарабатывали чем угодно и где угодно. Из нашего архива люди бежали, как тараканы из кухни, в которой внезапно зажгли свет. Но у меня пока имелись причины в мои двадцать шесть лет все еще оставаться «архивным юношей».

Конечно, это была совсем не та работа, о которой я мечтал с детства. Класса до шестого я день и ночь грезил о море, которое видел — не в кино и не по телевизору — всего однажды, в последнее свое дошкольное лето. Профсоюз тогда одарил моих родителей двухнедельной путевкой в семейный санаторий под Новороссийском. За прибором санаторного пляжа расстилался серебристо-синий простор, казавшийся бесконечным. И там, в туманной дали, где море не отличить от неба, виднелись корабли. Настоящие морские суда! Некоторые проходили совсем близко — можно было разглядеть крошечные фигурки моряков или пассажиров. И я, семилетний, проводил целые дни, стоя на балконе или на пляже и уставившись на море. Даже купаться не особо хотелось, только смотреть и смотреть на корабли, мечтая о том, как когда-нибудь и я стану плавать... то есть ходить на борту вот такого судна. Или такого. Или даже такого...

С тех пор я буквально заболел морем. Зачитывался книгами о морских путешествиях, учился вязать морские узлы и опреде-

лять курс по солнцу и звездам, твердо знал, чем отличается грот-мачта от фок-мачты, а брамсель от марсееля, выпросил у соседа с пятого этажа тельняшку и ходил в ней, что называется, и в пир, и в мир, и в добрые люди, несмотря на то что она, конечно, была мне здорово велика.

Но вскоре мечты рухнули. Точнее, я сам, по детской своей дурасти, их сломал. Мы с приятелями нашли на стройке карбид и решили заняться пиротехническими экспериментами... малолетние идиоты! «Ты ведь мог без глаз остаться!» — плакала мама. В этом смысле обошлось, но зрение я испортил основательно. Близорукость — сперва на одном глазу, а потом и на другом — стремительно прогрессировала, все попытки бороться с ней оказались безуспешными, и только в районе минус пяти процесс наконец-то приостановился. Одним из методов борьбы служила гимнастика, по которой требовалось пользоваться глазами поочередно: один прикрыть, вторым что-нибудь разглядывать или читать. По-моему, никакого толку от этого не было, разве что к чтению я приохотился. Единственное, с чем я долго не мог смириться, была необходимость носить очки, окончательно я принял неизбежное лишь в восьмом классе.

Как ни странно, ни очки, ни запойное чтение, ни даже диковинное имя Феофан (родители так и не смогли толком объяснить мне, откуда они его выкопали и с какой стати решили меня им наградить) не сделали меня изгоем ни в школе, ни во дворе. Может, потому, что я никогда не избегал драки — даже если все преимущества явно были на стороне противника. Или, быть может, из-за того, что, страстно любя книги, я не прятался за ними, как какой-нибудь ботаник. Книги были моими друзьями, но они никогда не заменяли мне живых людей и не мешали жить полноценной реальной, а не выдуманной жизнью.

С возрастом моя страсть к морю не то чтобы прошла, а скорее трансформировалась — я увлекся историей военного флота

и морских сражений. Особенно меня привлекали не современные теплоходы и не парусные корабли, как это нередко бывает у мальчишек, а паровые суда. Я прочитал о них, наверное, тонну книжек, видел сотни рисунков, сам склеил не один десяток моделей и знал названия и облик чуть ли не всех известных военных пароходов на память — а память у меня всегда была отличной. К девятому классу я уже твердо знал, что стану историком и буду изучать морские сражения. После школы я подал документы на истфак МГУ — и вылетел после первого же экзамена, насажав от волнения ошибок в сочинении.

Конечно, это стало для меня серьезным ударом. Пусть из-за близорукости мне можно было не беспокоиться о призыве в армию, и Афганистан мне, как другим не поступившим одноклассникам, не грозил — но все равно было очень обидно. Я не знал, что делать, чувствовал себя совершенно потерянным, точно почву выбили из-под ног. На семейном совете было решено, что родители дадут мне еще один шанс, год, чтобы я мог позаниматься на курсах и как следует подготовиться к поступлению. А если и в этот раз с университетом не получится, я подам документы в другой вуз. Мне ничего не оставалось, кроме как согласиться.

Год я честно отзанимался на подготовительных курсах и на этот раз даже добрался до последнего экзамена — что при огромнейшем конкурсе в МГУ удавалось далеко не всем. Однако с моим совсем не блестящим аттестатом и не слишком-то выдающимися способностями надеяться было все равно не на что. Для зачисления не хватило баллов, я смирился и безропотно отправился в выбранный родителями историко-архивный институт. Конкурс туда, к слову сказать, тоже был не такой-то маленький, но я был хорошо подготовлен, да и повезло, на истории достался тот же вопрос, который я отвечал в универе — о коллективизации, — и преподаватель МГУ указал, чего в моем ответе не хватает. В этот раз

баллов хватило, да и родители задействовали все свои связи — и в результате в конце августа я увидел в списке зачисленных на первый курс и свою фамилию.

Вот только вместо полагающейся свежее испеченному студенту радости я испытывал что-то вроде ощущения «жизнь пошла под откос». Ну что за дело, ей-богу, для мужчины — архивариус? Смешно, даже убого как-то. Стыд и позор, в общем. Однако я понимал, сколько усилий приложили родители, чтобы я поступил, поэтому честно отработывал свой долг и продолжал грызть гранит науки. Старательно и даже с неплохими результатами, но словно бы на автомате, по обязанности — лишь бы закончить.

Так продолжалось до того момента, пока у нас не начали читать основы архивного дела. Преподаватель Антон Захарович по прозвищу Будильник одним махом резко сломал все стереотипные представления о своей профессии. Признаться, я изрядно обалдел, когда вместо сухонького старичка, каким обычно представляются людям архивариусы — этакого очкастого гнома с жиденькой белой бородкой и непрерывным покашливанием от осевшей в горле бумажной пыли — в аудиторию вошел высокий моложавый мужчина с военной выправкой, всегда смеющимися черными глазами и ямочкой на подбородке. Когда я некоторое время спустя посмотрел «Доктора Ноу», Джеймс Бонд показался мне похожим на Антона Захарыча. От Шона Коннери нашего препода отличала лишь жесткая щеточка седых усов да очки в тонкой металлической оправе — большая редкость для тех лет. Сам я тогда носил еще тяжелые роговые «окуляры» и не успокоился, пока всеми правдами и неправдами не обзавелся очками «как у Антона Захарыча» и после этого, наконец, окончательно перестал стесняться своего «немужественного» аксессуара.

Говорил Антон Захарыч негромко, но уже через четверть часа после начала лекции каждому стал ясен смысл прозвища Будиль-

ник. Проснулись даже перманентно хвостатые оболтусы с задних рядов, и все жадно слушали потрясающего лектора. Он рассказывал о документах, о том, какую роль они играют в нашей жизни, о том, что эта роль не просто важна — зачастую она бывает решающей, а подчас и роковой. Его рассказы походили не столько на лекции, сколько на увлекательнейшие детективы. Недаром мы слушали их затаив дыхание. И сами не замечали, что не просто «усваиваем учебный материал», но вдобавок и заражаемся, да что там — насквозь пропитываемся живейшим интересом и даже страстью к архивному делу, которыми так щедро делился с нами Антон Захарович. Его сердце остановилось, когда нам оставался год до дипломов, и мы восприняли эту потерю очень болезненно, как утрату самого близкого человека. Но главное — любовь и интерес к архивному делу — Антон Захарович в наших душах оставил. С тех пор будущая профессия уже не только не пугала меня, но даже напротив, привлекала и манила.

Видимо, памятью собственные студенческие годы, мои родители отчего-то очень боялись распределения. И сколько я ни пытался объяснить, что времена, когда закончившего столичный вуз москвича могли распределить куда-нибудь в глухомань, давно прошли, родители все равно озаботились этой проблемой и снова понажимали на все доступные им рычаги. Так я попал в одно из подразделений столичного Главархива на должность младшего архивиста. К работе — спасибо Антону Захарычу! — я приступил, что называется, с горящими глазами. С неизбывным энтузиазмом начал осваивать компьютер, который у нас по старинке еще называли электронно-вычислительной машиной, а также микрофильмирующую, звукозаписывающую и видеоаппаратуру, убежденный, что вскоре все это найдет широчайшее применение в архивной работе. И к тому же я занимался любимым делом, с интереснейшими документами, по большей части просто старыми, а иногда и прямо-таки

древними. Оклад в сто двадцать рублей сейчас выглядит смешно, а тогда это были нормальные деньги, на которые можно было жить, не шиковать, конечно, но как-то сводить концы с концами. По уговору с родителями я отдавал треть зарплаты в семейный бюджет, а остальные восемьдесят рублей без зазрения совести тратил на собственные нужды. У меня, наконец, появилась постоянная девушка — Аленка работала лаборантом в соседнем отделе. И я мог позволить себе, пусть не часто, но сделать ей хороший подарок и сводить ее не только в кино, но и в ресторан, и отвезти домой на такси.

Никакие политика и экономика меня тогда, разумеется, не интересовали. Зарплаты хватало на повседневные нужды, а завтра будет завтра. Не то чтобы я вовсе не задумывался о будущем, скорее — не парился по этому поводу. Как практически любой из моих сверстников, я искренне верил, что завтра будет лучше, чем вчера. Тем более что в стране шла перестройка, и несмотря на то, что никто еще толком не понимал, что происходит, и даже не догадывался, к чему это приведет, все были настроены оптимистично и жили надеждой на перемены к лучшему. Самые смелые уже всю пользовались новыми возможностями «капиталистического» заработка, я тоже решил не отставать и начал понемногу тиражировать кассеты, поскольку у меня имелся и доступ ко всяческой записывающей аппаратуре, и умение с ней работать. Занятие оказалось прибыльным, мои услуги быстро стали нарасхват. Друзья, знакомые и знакомые друзей и знакомых притаскивали кассеты (преимущественно аудио, видеомагнитофоны тогда еще мало у кого были), а я их копировал — разумеется, не бесплатно. И хотя брал за свою работу вполне по-божески, денег в кармане резко прибавилось. Я уже всю строил планы, как летом свожу Аленку куда-нибудь на море. В Пицунду, например. Или в Крым. А может быть, даже и в Болгарию или Турцию, сейчас, говорят,

это уже не так сложно, как раньше, надо только получить загранпаспорт...

Но тут недоброй памяти премьер-министр Валентин Павлов — единственный в истории премьер-министр Советского Союза, чтоб его! — затеял свои, как бы их помягче назвать, реформы. Деньги обесценились, и я как-то резко перестал чувствовать себя состоятельным человеком. Цены росли, прилавки на глазах пустели. Левого заработка от знакомых мне уже не хватало. Но сдаваться я не собирался. Есть два типа людей: одних препятствия заставляют опустить руки и впасть в депрессию, других мобилизуют и стимулируют двигаться вперед. Я был из тех, кто верил, что темная полоса в судьбе всегда может стать взлетной. Только не глуши мотор — и со временем у тебя появятся крылья.

Я надумал торговать кассетами с популярными записями на ближайшем рынке. Назвать этот путь легким было никак нельзя. Кассеты раскупались хорошо, но сперва у меня возникли проблемы с ментами, а сразу после этого на горизонте появилась «бригада», уверенная, что мне есть чем поделиться с бывшими спортсменами, ныне переквалифицировавшимися в рэкетиров. Наслышанный леденящих душу историй, которые теперь не только распространялись сарафанным радио, но и активно смаковались в прессе, я не на шутку перепугался. К счастью, близкого знакомства с утюгами и прочими инструментами несложного ремесла братков удалось избежать. По сравнению с другими, я еще отделался более или менее легко, поскольку догадался обрести «крышу» в лице бывшего одноклассника Руслана, ставшего кем-то вроде сержанта одной из свежееобразовавшихся бригад по перераспределению доходов. Помня, как списывал у меня алгебру, Рус обходился со мной мягче, чем с остальными своими «подшефными», крышевал меня «всего» за треть моей чистой прибыли и милостиво позволял пару раз в месяц кормить себя ужином в ресторане. Хотя «третью» дань

называлась лишь условно: если прибыль была хорошая, надо было отдать тридцать процентов, а если не очень, то некий фиксированный минимум — Руслан рассчитал его по среднему. В общем, крутись как хочешь.

Некоторое время спустя Рус познакомил меня с Зауром. Тот был чином постарше, а опыт «бизнеса» имел побогаче. Еще в те времена, когда за спекуляцию можно было отправиться, куда Макар телят не гонял, Заур уже оперировал довольно крупными объемами фарцы. Так что в неожиданно наступивших мутных временах он почувствовал себя как рыба в воде. Благодаря Зауру у меня появился надежный канал сбыта продукции, что оказалось весьма кстати, поскольку павловской реформой мои неприятности лишь начались, а наездом «бригады» далеко не закончились. Свойство такое у неприятностей — сбиваться в стаи.

Восемнадцатого августа 1991 года телевизор вдруг с самого утра стал показывать сплошное «Лебединое озеро». Примерно так же было в середине восьмидесятых, когда генсеки вдруг стали чередой уходить друг за дружкой в лучший мир, не успев толком освоиться в Главном Кресле Страны. Нынешний генсек, то бишь первый президент СССР, был, правда, еще не в том возрасте, чтобы скончаться от старости, но «Лебединое озеро» по всем каналам — примета верная. Отец меланхолично заметил, что в кремлевской стене за еловым «почетным караулом» скоро не хватит места для погребальных ниш. Папа, человек не просто партийный, а вполне искренне исповедующий коммунистические идеалы, к Горбачеву относился без малейшего пиетета, так что сначала ему показалось, что все меняется к лучшему. Чуть позже выяснилось, что Михаил Сергеевич заперт на даче, в стране переворот, и вместо балета телевизор принялся демонстрировать разнообразные ракурсы носового платка в руках вице-президента СССР. Отца это еще больше порадовало, он глядел сушим бодрячком, точно помолодел лет

на десять. Даже глаза заблестели, как будто хорошего коньячку принял.

Мне же, по правде сказать, было не до переворотов, слишком много накопилось других забот, более насущных. Бизнес мой шел не слишком бодро, скорее ковылял, чем шел, спрос на кассеты (а вместе с ним и мой доход) за лето снизился настолько, что я уже в очередной раз задумался, не послать ли подпольную звукозапись ко всем чертям. И в тот момент, когда москвичи и гости столицы толпами валили к Белому дому с искренним намерением броситься под танки, защищая будущего президента будущей страны, мне приходилось ломать голову над тем, что я в конце месяца отдам Русу. Надеяться, что его быки войдут в мое трудное положение и похлопают меня по плечу, улыбнувшись по-дружески — ничего, мол, братишка, со всяким может случиться, после отдашь, — было смешно. Я весь издергался, перестал спать, а если вдруг забывался ненадолго, то снились мне исключительно уюги и паяльники. Но снова обошлось. На этот раз меня спас «Терминатор», точнее «Терминатор-2», вышедший в прокат как нельзя более вовремя и попавший ко мне в виде экранной копии. С облегчением вздохнув, я рванул на работу, чтобы дневать и ночевать там, записывая кассеты. Я и понятия не имел, что может произойти за это время у меня дома...

В день, когда министр внутренних дел Пуго, не дожидаясь ареста, отправился на небеса, а остальные члены ГКЧП протягивали руки для примерки стальных браслетов, у моего отца, принявшего происходящее слишком близко к сердцу, случился инсульт. И не какой-нибудь «микро», а вполне полноценный. Папа остался жив, но лишился речи и возможности двигаться, смотрел мутным взглядом, не узнавал нас и, похоже, даже не понимал, где находится и что с ним происходит. Врачи на все вопросы отвечали уклончиво — может, выкарабкается, а может, и останется таким навсегда.

Прогнозы в подобных ситуациях невозможны, во всяком случае пока.

Отец, истыканный трубочками и проводками, беспомощно распластался на больничной койке, и как-то вмиг стало абсолютно ясно: теперь вся ответственность — и за него, и за маму, получавшую в своей библиотеке сущие гроши, и за себя самого — ложится исключительно на мои собственные плечи. Не то чтобы я в одночасье превратился из беззаботного юного эгоиста в собранного и целеустремленного бизнесмена, но что-то в тот момент переломилось.

Мой «бизнес», о котором я до того иначе как в кавычках и не думал, который воспринимал как некое небезопасное, но все же приключение, внезапно стал практически единственным источником пополнения семейного бюджета. Хочешь жить — умей вертеться! И я вертелся — а куда деваться? Получалось у меня не так хорошо, как хотелось бы, но все же что-то удерживало меня в архиве, в котором с каждым днем становилось все малолюднее. Из-за обесценившейся, да еще и систематически задерживаемой зарплаты большинство моих сотрудников рванули на вольные хлеба — включая непосредственного начальника и двух самых ближайших коллег, которые учили меня работать с техникой. Но в этом были и свои плюсы — я остался один в помещении с собственным телефоном, и никто не мешал мне курить прямо на рабочем месте и чуть не целыми днями заниматься своими делами.

Кстати, в числе ушедших из архива (а заодно и из моей жизни) оказалась и моя Аленка. Точнее, уже не моя — она довольно быстро нашла себе нового сердечного друга, богатенького Буратино из тех, кто не крутился, как уж на горячей сковородке, а подталкивал вилкой других, чтоб крутились поэнергичнее.

Я остался в лаборатории не из любви к Делу (да простит меня покойный Антон Захарыч, но в смутные времена как-то не до идеа-